

Артем Козьмин

Выуживание гостей на Тонгареве: смех и жертвоприношения

Место

Тонгарева (Пенрин) — атолл в составе островов Кука, расположенный в экваториальной части Тихого океана, открытый европейцами в 1788 г. Его площадь составляет около 10 кв. км, население в 2006 г. — примерно 200 чел. Коренные жители Тонгаревы — полинезийцы, носители восточно-полинезийского языка тонгарева, в культурном отношении близкие населению других островов Кука, а также, в более отдаленной перспективе, остальным восточно-полинезийским этносам — гавайцам, таитянам, маори и т.д.

Заселение острова датируют XIII–XIV вв. н.э. В середине XIX в. (к этому времени относятся первые подробные свидетельства) плотность населения, которое насчитывало 1500–2500 чел., была очень высокой.

Основной социально-хозяйственной единицей была расширенная семья *haapaui* (дословно «рождение»), включающая до четырех поколений и насчитывающая несколько десятков человек. Семьи, возводящие свое происхождение к общему предку, входили в родственные группы более высокого уровня *huaanga* («родство»), которые были основными политическими единицами, управляемыми наследственными вождями.

Артем Викторович Козьмин
Российский государственный
гуманитарный университет
kozmin@gmail.com

Основным принципом избрания вождя была примогенитура: он должен был принадлежать к старшей линии наследования от общего предка линиджа, однако во внимание могли приниматься и иные соображения, прежде всего личный авторитет и неформальное влияние. В свою очередь, четыре-пять huaanga составляли военные коалиции, которых на Тонгареве было три. Власть вождей была достаточно ограниченной, они опирались преимущественно не на свой ранг, а на родственные связи и консенсусные решения.

Относительно высокая военная активность определялась, видимо, большой плотностью населения и бедностью ресурсов, конфликты возникали, в частности, из-за прав собственности на землю. Основу питания составляли плоды кокосовой пальмы и продукты рыболовства. Домашние животные, обычные для Полинезии (собаки, куры и свиньи), отсутствовали [Encyclopedia 1991: 229–342; Buck 1932].

Появление европейцев оказало сильное влияние на жизнь островитян. В 1854 г. было принято христианство, в 1864 г. перуанские работорговцы угнали около тысячи человек, большая часть из них погибла от тяжелых условий труда при добыче гуано в Перу. Занесенные европейцами болезни привели к дальнейшей депопуляции, и к 20-м годам XX в. население сократилось до примерно 300 чел. [Buck 1932: 9].

Событие

Один из главных источников по традиционной истории и культуре острова — труд Питера Бака (Те Ранги Хироа) «Этнология Тонгаревы». Исследователь работал там в 1929 г. под эгидой музея Бишоп (Гавайские острова). Событие, служащее темой статьи, описывается в разделе «Выуживание визитеров»:

*Обычай, называемый “Te tikaui o Tautai-tini” [Встреча (собрание) бесчисленных рыбаков (?)], был продемонстрирован в селении Омока. Судья Айсон и я, вместе с другими, были приглашены на праздник. Места были приготовлены за пределами дома собраний. Наши хозяева, с удилищами, снабженными печеным уто [блюдо из кокоса] в качестве наживки, но без крючков, собрались неподалеку. Они также тащили корзины с уто в качестве прикормки. Визитеры рассматривались как косяк бонито [полосатый тунец, *Katsuwonus pelamis*]. Глава рыбаков, который выступал как на блюдатель, изобразил, что видит нас первый раз. Он провозгласил “Teia ua rara e” — «вот косяк». Группа ответила в унисон “Teia ua kake e”. Рыбаки двинулись в нашу сторону, и когда они были достаточно близко от нас, протянули удочки, так что приманка оказалась перед нашими лицами; предполагалось, что мы схватим*

ее ртом и будем тянуть, как будто мы рыбы — представление, которое вызвало значительное веселье. Между тем рыбаки жевали печеное уто, которое, когда оно стало достаточно мягким, стали доставать изо рта и кидать в нас как прикормку. Это их очень веселило. Женщина-удильщик, которая оказывала специальное внимание одному из членов нашей группы, бросила ему в переносицу пригоршню мягкой массы, которая расплющилась и залепила глаза, к удовольствию ловкой удильщицы и ее друзей. Хотя в общем меткость не была очень большой, она была достаточно точной, чтобы мы не могли избежать попаданий. То, что весело для человека в набедренной повязке, неуклюже для того, кто в белом костюме. Так или иначе, представление было сочтено успешным, и после того, как отскребли приманку, мы стали наслаждаться праздником [Buck 1932: 122].

Далее Бак никак не комментирует происходившее.

Интерпретация I

Исходя из самых общих соображений интерпретация этого события не вызывает трудностей. Гости должны быть интегрированы в локальное сообщество. Для этого они кодируются как вид рыб, которых вылавливают люди; подобно рыбам, гости являются из моря. В процессе рыбной ловли осуществляется переход от природного к культурному, от моря к земле, от нечеловеческого к человеческому. Смех осуществляет интегративную функцию, объединяя присутствующих. Однако, как кажется, можно предложить более глубокую и специфичную для конкретной культуры интерпретацию.

Рыбы

Полосатый тунец — ценная промысловая хищная рыба, достигающая метра в длину. Ее ловля — важное занятие для большинства островов Полинезии. Поскольку она водится косяками и жадно набрасывается на приманку, рыбак может поймать много рыбы. Это существенно зависит от скорости, с которой он снимает пойманную рыбу с крючка и насаживает новую порцию наживки. Крючки для ловли тунца, лишённые шипа, который мешал бы быстро снимать пойманную рыбу, — распространённый элемент традиционной материальной культуры [Buck 2003: 324].

Тунец относится к классу рыб, обозначаемых *ika*, словом, входящим к протополинезийскому **ika*. Как правило, в полинезийских языках рефлексам этого этимона обозначаются не только собственно рыбы, но и ракообразные и моллюски, а иногда и животные вообще [POLLEX 2000; Lemaitre 1995: 62],

в гавайском — любое мясо [Elbert, Pukui 1971], в маркизском [Dordillon 1931: 189] слово может обозначать ‘вещь’.

Однако есть и более специфические значения (привожу только восточно-полинезийский материал): таитянский ‘человеческая жертва’, маори ‘убитый враг, жертва’, рапануи ‘враг, обреченный на смерть, человеческая жертва, труп человека, павшего в битве’, мангайя ‘человеческая жертва’, гавайский ‘человеческая жертва’ [Tregear 2001: 102; Englert 2004: 329]. В таитянском и гавайском, а также в некоторых других хорошо зафиксирована конструкция «длинная рыба», обозначающая человеческую жертву [Tregear 2001: 102].

Естественно, такое отождествление относится не только к языковому уровню. Тема человеческих жертвоприношений в Полинезии очень обширна, тут достаточно сказать, что, например, на Маркизских островах убитых вешали на крюк, который понимался как рыболовный крючок, который боги опускали с неба [Handy 1923: 242]. Семантика, связывающая рыбу и человека, может выглядеть и несколько по-другому: у маори погребение костей вождя в скрытом месте мотивировалось тем, что иначе враги сделают из его костей крючки [Baggow 1978: 98]. На Гавайях очень ценились крючки, сделанные из человеческой кости (хорошо зафиксированные в музейных коллекциях), существовали рассказы о людях, убитых специально для изготовления крючков. Одна из мотивировок заключалась в том, что рыбу привлекают безволосые (т.е. похожие на рыб) люди и рыболовные принадлежности из их костей будут особенно эффективны [Buck 2003: 292]. Таким образом, не только человек «ловится, как рыба», но и рыба как таковая «ловится на человека».

Тунец (*aku*) на Гавайях имел специфическую связь с человеческими жертвоприношениями. Сезон, когда его ловля была разрешена, открывался одновременным жертвоприношением этой рыбы и человека. Этот сезон — время, когда разрешены военные действия и человеческие жертвоприношения, время короля. В свою очередь, когда ловля тунца табуирована, запрещены и военные действия, и человеческие жертвоприношения, а король лишен возможности активно действовать [Valeri 1985: 228, *passim*].

Такая роль тунца, возможно, мотивируется тем, что это рыба *par excellence*. Например, акула опасна для человека и поэтому может быть воплощением духа-покровителя, а черепаха, которая пересекает границу моря и суши, а также дышит, во многих полинезийских культурах специфически связана с вождем, в частности ее мясо табуировано для простых людей (см., например: [Burrows 1937: 144]). Между тем тунец таких коннота-

ций, кажется, лишен, это, так сказать, всегда пациенс для человеческих действий (разумеется, это не означает, что для каких-либо полинезийских культур полностью невозможны иные коннотации; они, скорее, маловероятны).

Глаза

Уто в рассматриваемом ритуале используется не только как приманка, но и как нечто ослепляющее гостей. Особая роль глаз в жертвоприношении хорошо зафиксирована в Восточной Полинезии. На Таити Джеймс Кук и Уильям Блай были свидетелями жертвоприношений, когда у убитой жертвы вырывался левый глаз и отдельно подносился божеству [Cook 1784: 33]. Таитяне на расспросы Джеймса Моррисона отвечали, что глаза — самое ценное у жертвы [Morrison 1787–1792: 171]. У маори при жертвоприношении жрец глотал глаза жертвы. Интересный эпизод связан с маорийскими войнами в Новой Зеландии. Кереопа, лидер одного из культов, возникших уже под христианским влиянием, инициировал убийство миссионера Карла Фолкнера, а потом проглотил его глаза, сказав, что один глаз — это королева Англии, а другой — парламент. При расследовании этого эпизода один из свидетелей сказал: «Нет разницы между глазами мертвого человека и мертвой рыбы» [Babbage 1937: 52]. Наконец, на Гавайях при жертвоприношении, которое открывало сезон разрешенной ловли тунца, ритуальный двойник короля (как правило, его близкий родственник) глотал глаз принесенного в жертву человека и глаз тунца [Valeri 1985: 228].

Интерпретация II

За отождествлением гостей и рыб просматривается еще один семантический уровень. Прибывшие отождествляются с рыбами и тем самым оказываются символическими жертвами, участниками и объектами соответствующего ритуала. Сомнительно, что это сознательное отождествление, поскольку в этом случае ритуал был бы явно оскорбителен. Разумеется, тунец — обычная пища и объект ловли, но осознаваемое «семантическое расстояние» между рыбой и человеком слишком велико, чтобы отождествление воспринималось всерьез, оно вызывает лишь смех.

Однако дополнительная, неосознаваемая коннотация, связанная с человеческим жертвоприношением, опирается, как кажется, и на социальную реальность. Визиты членов чужих локальных групп на Тонгареве воспринимались с большой подозрительностью и требовали долгих переговоров, прежде чем

гости могли высидеться. Возможно, *метафорическое* принесение в жертву гостей заменяло реальное жертвоприношение, интегрируя приходящих в сообщество и тем самым поддерживая стабильность отношений с соседями. Более того, сам смех и веселье также могут интерпретироваться как вид жертвы, подобно танцам, увеселяющим богов, а также как средство снятия табу (такая функция надежно зафиксирована для Гавайев [Valeri 1985: 384]).

Таким образом, гипотеза заключается в том, что если при реальных человеческих жертвоприношениях в Полинезии кодирование человека как рыбы *делало возможным* данный акт, то на Тонгареве такое кодирование и его результат (смех) использовались в качестве *замены* жертвоприношения.

Выше уже говорилось о достаточно частых войнах на Тонгареве. Однако интересно, что на острове отсутствовал каннибализм и человеческие жертвоприношения. Как меланхолически замечает Бак, «в отсутствие свиней, собак и каннибализма рыба была даже более важным источником белковой пищи, чем на других полинезийских островах» [Buck 1932: 197]. Как это соотносится с предложенной интерпретацией рассматриваемого обычая?

И отождествление человека с рыбой, и многие детали жертвоприношений, видимо, восходят к периоду восточно-полинезийского единства (ср. параллели между Новой Зеландией и Гавайями); предки тонгаревцев, очевидно, были знакомы с этой символикой, которая могла реализовываться как в нарративах, так и в ритуалах.

С одной стороны, необычайно высокая плотность населения острова могла вести к ситуации, схожей с той, которая зафиксирована на Маркизских островах, где демографическое давление сопровождалось постоянными жестокими конфликтами и широким распространением каннибализма (каннибализм на Маркизах зафиксирован даже археологически, что весьма редко)¹ [Kirch 1991]. С другой стороны, можно предположить, что демографическое давление способствовало бы развитию сильных иерархических структур, сходных с гавайскими или таитянскими (на Гавайях и Таити каннибализм отсутствовал, однако была регулярная практика человеческих жертвоприношений) [Filihi 1999]. Показательно известное свидетельство Джеймса Моррисона: когда он уговаривал таитянских вождей отказаться от жертвоприношений, ответ был таков: «Если мы

¹ Возможно, следует принимать во внимание изобилие рыбы на атолле Тонгарева (на Маркизах морские ресурсы были менее доступны в силу отсутствия рифов), что делало белковый рацион более богатым.

поступим так, не останется вождей» [Morrison 1787–1792: 324]¹.

В реальности дело обстоит по-иному. На Тонгареве социальная эволюция пошла по другому пути, без образования сильных иерархических структур и использования каннибализма в качестве источника белка, что еще раз доказывает отсутствие жесткого детерминизма «экология — демография — социальные структуры», постулируемого некоторыми теоретиками социальной эволюции. Если гипотеза о ритуале выживания гостей верна, то символика, лежащая в основе реальных жертвоприношений на других полинезийских островах, на Тонгареве реализуется лишь как неосознаваемая коннотация юмористического действия. Возможно, что именно отказ от символически нагруженного насилия и позволил поддерживать такую высокую плотность населения.

Библиография

- Babbage S.B.* Hauhauism: An Episode in the Maori Wars 1863–1866. Wellington: A.H. and A.W. Reed, 1937.
- Barrow T.* Maori Art of New Zealand. P.; Wellington: UNESCO Press; A.H. & A.W. Reed, 1978.
- Buck P.H.* Arts and Crafts of Hawaii. Honolulu: Bernice P. Bishop Museum, 2003.
- Buck P.H.* Ethnology of Tongareva. Honolulu: Bernice P. Bishop Museum, 1932.
- Burrows E.G.* Ethnology of Uvea (Wallis Island). Honolulu: Bernice P. Bishop Museum, 1937.
- Cook J.* A Voyage to the Pacific Ocean. Undertaken, by the command of His Majesty, for making discoveries in the Northern hemisphere, to determine the position and extent of the west side of North America; its distance from Asia; and the practicability of a northern passage to Europe. Performed under the direction of Captains Cook, Clerke, and Gore, in His Majesty's ships the Resolution and Discovery, in the years 1776, 1777, 1778, 1779, and 1780. L.: W. and A. Strahan, 1784. Vol. II.
- Dordillon R.-I.* Grammaire et dictionnaire de la langue des îles Marquises. P.: Institut d'Ethnologie, 1931.
- Encyclopedia of World Cultures. Vol. II: Oceania. N.Y.: G.K. Hall and Co, 1991.
- Englert S.* Historia y Etnología de la Isla de Pascua, Gramática y Diccionario del Antiguo Idioma de la Isla. Santiago de Chile: Editorial Universitaria, 2004.

¹ Конечно, «гавайско-таитянская» альтернатива должна рассматриваться *cum grano salis*, поскольку для нее требуется гораздо большее население. В реальности речь могла бы идти об установлении сильной гегемонии.

- Filihia M.* Rituals of Sacrifice in Early Post-European Contact Tonga and Tahiti // *The Journal of Pacific History*. 1999. 34 (1). P. 5–22.
- Handy E.S.C.* Native Culture of the Marquesas. Honolulu: Bernice P. Bishop Museum, 1923.
- Kirch P.V.* Chiefship and Competitive Involution: the Marquesas Islands of Eastern Polynesia // T. Earle (ed.) *Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 119–145.
- Lemaître Y.* Lexique du tahitien contemporain: tahitien-français, français-tahitien. P.: Editions de l'Orstrom, 1995.
- Morrison J.* Journal on HMS Bounty and at Tahiti, 1787–1792. <<http://image.sl.nsw.gov.au/cgi-bin/ebindshow.pl?doc=cy515/a1221;toc>>.
- [*POLLEX 2000*] *Biggs B., Clark R.* POLLEX (Polynesian Comparative Lexical Files). Auckland: University of Auckland, 2000.
- Pukui M., Elbert S.* Hawaiian Dictionary: Hawaiian-English, English-Hawaiian. Honolulu: University Press of Hawaii, 1971.
- Tregear E.* Maori-English Comparative Dictionary. Christchurch: Cadson-bury Publications, 2001.
- Valeri V.* Kingship and Sacrifice: Ritual and Society in Ancient Hawaii. Chicago: The University of Chicago Press, 1985.